

Заканчивая этот по необходимости очень беглый обзор первого тома ежегодника «Расы и народы» (в сущности говоря, каждая статья, опубликованная в нем, заслуживает особой рецензии), хочется от всей души поздравить его редколлегия (отв. редактор И. Р. Григулевич, зам. отв. ред. П. И. Пучков, члены редколлегии — В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, С. И. Брук, А. В. Ефимов, Э. Л. Нитобург, Э. А. Рикман, Н. Н. Чебоксаров, отв. секретарь С. Я. Козлов) с очень удачным началом. Нет сомнения, что ежегодник будет с большим интересом встречен советской общественностью и привлечет к себе внимание за рубежом. В нем, конечно, с удовольствием примут участие ученые социалистических государств и прогрессивные исследователи других стран. Статью М. Мёрнера поэтому можно считать только первой ласточкой.

Может быть, стоило бы посоветовать редколлегии создать небольшой раздел полемки и читательских писем для публикации материалов небольшого объема, в которых ставятся интересные и научно актуальные темы, пусть даже порой и по частным вопросам исследования.

В. Д. Королюк

П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, 544 стр.

В издательстве «Искусство» вышел сборник избранных работ известного советского ученого профессора Петра Григорьевича Богатырева «Вопросы теории народного искусства».

П. Г. Богатырев принадлежит к поколению, заявившему о себе в науке в 1916—1918 гг. Еще студентом он печатает статьи и рецензии в журналах «Русский филологический вестник», «Живая Старина» и «Этнографическое обозрение». Список работ П. Г. Богатырева, опубликованный в 1968 году в Чехословакии в связи с избранием его почетным доктором Карлова Университета и воспроизведенный затем в журнале «Cesky lid» и в приложении к рецензируемому изданию, содержит более 300 номеров (книжки, статьи в сборниках, журналах и газетах, публикации, рецензии, переводы, информации и т. д., вышедшие в свет до 1969 года). Тематика этих работ весьма обширна — фольклор западных, восточных и южных славян, теория и история народного театра, проблемы этнографии (особенно этнографии Закарпатья и Моравской Словакии), поэтика фольклора, фольклор и литература, русская литература в ее связях с другими славянскими литературами, сравнительное изучение различных видов народного искусства, народные верования и обряды. Естественно, что сборник избранных работ не мог охватить всех сторон долголетней, интенсивной и плодотворной деятельности ученого. И все же он составлен весьма удачно. Дело в том, что в 1922—1940 гг. работы П. Г. Богатырева публиковались, главным образом, в зарубежных изданиях на самых различных языках (чешском, словацком, немецком, французском, английском и т. д.). Они были известны до сих пор сравнительно узкому кругу читателей в нашей стране, их весьма трудно разыскать в библиотеках. Желание автора опубликовать наиболее значительные из них на русском языке понятно. Этим и определяется выбор основной части исследований П. Г. Богатырев, а составивших данный сборник. Он включает в себя три книги — «Народный театр чехов и словаков» (впервые публиковалась на чешском языке в 1940 г. в Праге — «Lidové divadlo české a slovenské»), «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» (впервые вышла на французском языке в 1929 году в Праге — «Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique») и «Функции народного костюма в Моравской Словакии» (впервые издан на словацком языке в 1937 г. в Мартине — «Funkcie kroja na Moravskem Slovensku»).

К этим трем книгам примыкают наиболее важные теоретические статьи, опубликованные в зарубежных изданиях: «Фольклор как особая форма творчества» (первое издание — на немецком языке в 1929 г. в сборнике «Donum Natalicium Schrijnen»), «Niemegen — Utrecht» (впервые вышла на немецком языке, написана в соавторстве с Р. О. Якобсоном) и «Рождественская елка в Восточной Словакии. К вопросу о структурном изучении трансформации функций этнографических данных» (впервые напечатана в 1932—1933 году в Праге в сборнике «Germanoslavica», на немецком языке). Перечисленные выше работы составляют около 400 страниц рецензируемой книги.

В сборнике напечатаны и четыре статьи, написанные сравнительно недавно (в 1958—1968 гг.): «Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме», «К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян», «Функции лейтмотивов в русской былине» и «Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре». Последние статьи были избраны автором таким образом, чтобы показать связь его научной деятельности последних десятилетий с основным направлением его исследований 20—30 гг. Эти известные работы последних лет читаются в составе сборника в значительной мере по-

повому; их целенаправленность, методика и результаты стали яснее, определеннее. Таким образом достигается и цельность рецензируемой книги — она приобрела четкую теоретическую форму и представляет совершенно определенное научное направление.

Хорошо известно, что в языкознании, фольклористике, в изучении народных верований и обрядов, в известной мере в литературоведении и, особенно, в социологии в последние годы у нас и за рубежом все большую популярность приобретают структурные и структурно-семиотические исследования. История этого направления сложна и противоречива. Мы не можем входить во все его детали. Напомним только, что весьма своеобразной была и история структурализма в советском языкознании, фольклористике, эстетике. Ряд блестящих работ 20-х годов (В. Я. Проппа, Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева, Ю. Н. Тынянова, С. М. Эйзенштейна, Л. С. Выготского и представителей так называемой «формальной школы в литературоведении»), сыграл важную роль в развитии этого направления в мировой науке. Затем структурные исследования надолго были оставлены советскими учеными. Только в послевоенные годы и особенно в 50—60 гг. методика системных исследований как одна из наиболее перспективных (в том числе и структурно-семиотические методы в гуманитарных дисциплинах) стала находить все большее и большее распространение в науках самого различного профиля.

Этот подход прочно утвердился в современной фольклористике и в значительно меньшей степени в этнографии. В связи с этим хочется отметить, что работы П. Г. Богатырева во второй половине 40-х гг. подвергались весьма односторонней и несправедливой критике. Их необоснованно сближали с так называемой «Функциональной школой» Б. Малиновского — Ф. Смэтса, имевшей иные корни и основывавшейся на ином мировоззрении¹.

Характерно, что в последние годы заметно возрос интерес к трудам ученых, разрабатывавших методику структурного изучения в 20-е и 30-е годы. Так на наших глазах пережила свое второе рождение замечательная книга В. Я. Проппа «Морфология сказки». Она переведена на многие языки и получила мировое признание. Заметим кстати, что В. Я. Пропп уже в 20-е годы рассматривал свою «Морфологию» как вводную часть к опубликованной позднее книге «Исторические корни волшебной сказки». В последние годы были переизданы также работы Ю. Н. Тынянова, С. М. Эйзенштейна, Л. С. Выготского и др. В этом же ряду стоит и книга П. Г. Богатырева «Вопросы теории народного искусства». В общем процессе выработки приемов анализа структур социальных, бытовых и художественных явлений автору этой книги принадлежит своя особая роль и свой круг проблем.

Прежде всего — это народный театр. Именно поэтому соорник открывается названным выше исследованием чешского и словацкого народного театра, примыкающим к написанной в 1923 г. книге «Чешский кукольный и русский народный театр» и серии статей (см. например, «Le théâtre russe de marionnettes». «Loutkař», 1930 — 1931), посвященных близким проблемам и имеющих заслуженную популярность у специалистов по фольклорному театру народов Европы.

Книга «Народный театр чехов и словаков» была издана более тридцати лет тому назад. Однако современный читатель найдет в ней не только ценную фактическую информацию, но и целый ряд весьма современных методических и теоретических идей.

Так же как и в других своих работах, П. Г. Богатырев постоянно имеет в виду и применяет к фольклорным и этнографическим явлениям основные представления лингвистического структурализма — различные речи («ragole») и языка («langue»), функции и формы, структуры как функционального соотношения элементов, «внешней» и «внутренней» структуры, иерархии функций и их динамики, «организующей» роли доминантной функции и т. д. Эти понятия оказываются целесообразными и применимыми еще и потому, что материал, которым пользуется П. Г. Богатырев в этой своей работе, сложен. Народный театр лежит на пересечении эстетического (театр), магического (обряд), бытового (обычай) и словесного (фольклор). И народный театр, и народный обряд по своей природе полифункциональны; на разных этапах их развития соотношение функций различно. Анализ народного театра и народного обряда дает многое для понимания закономерностей их бытования, изменений при переходе в иную этническую или социальную среду и, следовательно, шире — для понимания закономерностей, определяющих их историю.

Чрезвычайно интересны не только для фольклористов, но и для театроведов результаты изучения народного театра чехов и словаков, которые излагаются в главах «Сценическая площадка и зрительный зал», «Коллективное творчество актеров», «Театральный костюм и маска», «Театральное движение», «Театральная речь». Особенно хочется подчеркнуть ценность идей автора, связанных с пониманием природы театральной условности — «мерцающим» чередованием иллюзий и нарочитой условности, перевоплощения и намеренного «обыгрывания» ее, дифференциации зрителей и исполнителей и де-

¹ См.: «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 141—146; стр. 147—163. См. также: О. Nahodil, J. Krumářík; J. V. Stalin a narodopisná věda. Príspevky k diskusi o dile «Markismus a otárky jazykovědy», Praha, 1952.

монстративного «разрушения» рампы, импровизации и стабильности, хронологического и пространственного совмещения действия, «обоснованного» обряда и игры и т. д. Неожиданно выясняется, как много общего в традициях народного театра и творческом поиске театральными деятелями XX века, как много может дать современной культуре изучение, казалось бы, примитивной и архаической традиции старинного народного театра.

Не менее интересны и две другие «старые» работы П. Г. Богатырева. Провозглашая синхронный метод изучения народных верований и обрядов, П. Г. Богатырев тем не менее замечает: «Синхроническое изучение народных обычаев, обрядов и магических действий показало, что мы имеем дело с постоянным изменением и формы, и функции этих этнографических фактов» (стр. 169). Этот вывод приводит далее к идее необходимости сочетания синхронного и диахронного (т. е. исторического) методов (стр. 170). П. Г. Богатырев напоминает, что еще А. Н. Веселовский писал: «В нашем культурно-историческом и этнографическом языке пошло в ход слово «переживание» (survivals) и даже «пережиток». В сущности переживания нет, потому что все отвечает какой-нибудь потребности жизни, какому-нибудь переходному оттенку мысли, ничто не живет наильно». (Поэтика. — Собр. соч., т. I, СПб., 1913, стр. 94). Одним словом, П. Г. Богатырев еще в 20-е гг. призывал заняться тщательным изучением бытующих обрядов. При этом он был убежден в том, что этнография — наука, в которой изучение современности всегда «работает» на историю.

В исследовании «Функции костюма в Моравской Словакии» анализируются не только отдельные функции в их отвлеченном виде, но и структура функций, которой обладает отдельный костюм. Интересно, что при этом исследователь приходит к выводу о необходимости изучения не только праздничной, обрядовой, «костельной» и т. д., но и будничной одежды. Этнографы найдут здесь также весьма содержательные наблюдения этнопсихологического характера (например, соотношение представления «наш костюм» и этнического сознания в различных этнических и социальных ситуациях) и важные для современной этнографии соображения о предмете этой науки в свете структурных изучений народного быта. П. Г. Богатырев пишет: «Функции народного костюма (т. е. костюма, функционирующего в народном быту.—К. Ч.) даже если в нем не сохранилось ни одной детали прежнего (т. е. традиционного.—К. Ч.) костюма, даже если деревенская одежда полностью слилась с городской одеждой, всегда доступны наблюдению. Перед этнографом возникает задача установить, какие функции приобретает деревенская одежда после того, как изменилась ее форма и материал и она сблизилась или полностью слилась с городской одеждой» (стр. 362). Затем, приведя несколько выразительных примеров, автор заключает: «Этнограф, использующий функциональный метод, дает богатый материал социологу, изучающему современную городскую одежду. С другой стороны, необходимо, конечно, следить за результатами, достигнутыми социологами» (там же). Кажется, что последние фразы написаны не в конце 30-х годов, а в начале 70-х или, по меньшей мере, во второй половине 60-х гг. нашего столетия.

В заключительной главе книги о функциях народного костюма П. Г. Богатырев высказывает некоторые предположения о возможностях и перспективах структурного изучения других элементов материальной и духовной культуры — деревенских построек, домашней утвари, орудий труда, фольклора. К этому разделу примыкает опубликованная в сборнике статья «Рождественская елка в Словакии». Заключительный отдел завершается знаменательной фразой: «Перед этнографами лежит целина, ждущая своего пахаря» (стр. 366).

Разумеется, в 1937 году этнографы-слависты много сделали для изучения народного быта и традиционных форм народной культуры. Однако структурный метод применялся лишь спорадически и поэтому можно без преувеличения сказать, что последний тезис П. Г. Богатырева в известной мере еще сохранил свою силу.

Статья «Фольклор как особая форма творчества», написанная в 1929 году, воспринимается в свете современных споров о коллективном и индивидуальном в фольклоре и литературе (см. дискуссии на страницах журнала «Вопросы литературы», ежегодника «Русский фольклор», соответствующие разделы в книгах В. Е. Гусева «Эстетика фольклора», К. С. Давлетова «Фольклор как вид искусства» и др.). П. Г. Богатырев вносит в эту дискуссию существенную поправку — он предлагает видеть коллективность фольклора не просто в накоплении в тексте элементов, созданных или привносимых последовательным рядом исполнителей, а прежде всего в том, что любое фольклорное произведение (вне зависимости от его происхождения) функционирует в быту определенно-социального коллектива, обладающего традиционной и свойственной именно этому коллективу системой представлений и потребностей. При этом мы снова встречаемся с целым рядом идей, весьма важных в теоретическом отношении: например, в различии фольклорной и литературной традиции. Одновременно рассматриваются концепции коллективности фольклора, популярные в европейских странах в романтический период. Эти концепции в известной мере перекликаются с некоторыми идеями, высказывавшимися в последние годы.

Мы не будем подробно останавливаться на статьях, публиковавшихся сравнительно недавно. Отметим только, что в них читатель найдет развитие проблем, которые интересовали П. Г. Богатырева уже в 20—30-е гг. (импровизация и традиция, сравнительное изучение различных видов народного искусства, соотношение театра и обряда, поэтическая структура фольклорных текстов и т. д.).

В заключение еще раз подчеркнем научную ценность двух библиографических приложений — в первом из них перечисляются источники исследований автора, во втором подводятся итоги его собственных публикаций.

Итак, перед нами сборник, который с большим интересом будет прочитан и филологами, и этнографами, и социологами, и театроведами, и искусствоведами более широкого профиля. Несмотря на то, что большинство работ, в него включенных, написаны в 20 и 30-е гг., они имеют, как мы стремились показать, далеко не только историко-графическую ценность.

К. В. Чис

Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, 228 стр.

Книга Э. С. Маркаряна — первый в советской литературе обобщающий труд, поднимающий исходные, фундаментальные проблемы теории культуры, т. е. проблемы, имеющие большое значение для любых гуманитарных дисциплин. Но пожалуй, наиболее близки эти проблемы именно специалистам в области этнографии, в том широком понимании предмета этой науки, который свойствен советской школе и объединяет распроданные за рубежом понятия этнологии, культурологии или социальной и культурной антропологии (этими терминами пользуется в своем труде и Э. С. Маркарян).

По мнению Э. С. Маркаряна, понимание проблемы культуры, «базирующееся на определении культуры как „совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человечеством“, возникло не как итог продуманного и углубленного исследования проблемы теории культуры, а как результат не критического принятия случайно утвердившейся в 40-х годах формулы» (стр. 7). Сам же автор считает, что культура есть не что иное, как специфически характерный для людей способ деятельности и объективно проявляющийся в различных продуктах результат этой деятельности» (стр. 11). Нетрудно заметить, что вторая часть определения (результат) и есть не что иное, как «совокупность ценностей», и заслуга автора состоит именно в разделении понятия на «результат» и «способ». В дальнейшем автор оперирует именно пониманием культуры как «способа» — определенных институционализационных нормативных форм для разных видов человеческой деятельности.

Суть воплощенных в культуре принципов организации коллективной жизни Э. С. Маркарян усматривает в способности вырабатывать внебиологические по своему источнику (т. е. потенциально не заданные биологическим типом организации) средства и механизмы, благодаря которым постоянно контролируется общая биологическая природа существ, составляющих общество, программируется и направляется их поведение в требуемом для поддержания социальной жизни русле и обеспечивается специфический обмен веществ между социальной системой и природной средой путем материального производства (стр. 217). Подобное понимание феномена культуры позволяет автору предложить теоретическую модель для его расширительной ноологической трактовки. Кроме того, эта модель позволяет достаточно четко расчленить познавательные функции понятий «человеческая деятельность» и «культура», очень часто отождествляемые в литературе. Человеческая деятельность, согласно точке зрения Э. С. Маркаряна, это социально направленная активность людей, культура же — способ ее осуществления (стр. 210).

На наш взгляд, основная ценность концепции Э. С. Маркаряна состоит во введении им трех параметров рассмотрения социального организма (социальной системы) людей — этого совокупного объекта исследования для всего комплекса гуманитарных наук. Эти три параметра суть: 1 — социальная структура (система взаимоотношений между индивидами и группами), 2 — структура культуры (отношения между различными специфическими человеческими механизмами осуществления деятельности людей), 3 — структура деятельности (отношения между участками приложения координированных усилий, направленных на решение различных задач).

Однако, к сожалению, Э. С. Маркарян, введя эти параметры, не оценивает их как различные иерархические уровни, хотя это также явно необходимо. Более того, в самом перечислении их он не следует тому порядку, который напрашивается при подобной иерархии. И это не случайно. Автор прямо возражает Мериллу, считающему, что вначале возникает общество, а затем культура. Э. С. Маркарян заявляет, что им «общество» и «культура» рассматриваются не как соотношение части и целого, а как выражение двух различных сторон, планов органически единого и генетически одновременно возникающего целого» (стр. 57). И далее Э. С. Маркарян, в целом справедливо, рассуждает о несопоставимости человеческого общества и обезьяньего стада, о необходимости отграничения особенностей именно человеческого коллектива от более общего понятия коллективной организации жизни, свойственной и животным.

Однако сам же автор не оспаривает всеобщего, всеобъемлющего характера этой коллективной организации жизни, в рамках которой может быть выделено много уров-